

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-66-82

С.А. Агуреев¹, А.А. Болтаевский²¹ Дипломатическая академия МИД России,
119021 г. Москва, Российская Федерация² Российский университет кооперации,
141014 г. Мытищи, Московская обл., Российская Федерация

«Болгарское русофобство» по свидетельствам русских наблюдателей в 1912–1915 гг.

Статья посвящена проблеме восприятия «болгарской русофобии» по наблюдениям русских дипломатов и военных агентов и отдельных политиков в 1912–1915 гг. Авторы ставят перед собой задачу проследить, как складывались оценки данного феномена в донесениях российских официальных лиц, политиков и публицистов. При этом не следует забывать, что сами эти оценки не всегда соответствовали реальному положению дел в Болгарии, а некоторые являлись политически ангажированными. В процессе исследования авторы приходят к выводу о том, что развитие «русофобии» в Болгарии определялось изменением политической ситуации на Балканах и наличием в стране как внутренней, настроенной антироссийски, так и внешней пропаганды со стороны Германии и Австро-Венгрии. Антироссийский курс Болгарии отвечал и политическим интересам правительства В. Радославова, стремившегося к тесному политическому союзу с Центральными державами, ввиду важности разрешения Македонского вопроса и просербской позиции российской правящей элиты.

Ключевые слова: общественное сознание, «русофобия», Болгария, Россия, Первая мировая война

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Агуреев С.А., Болтаевский А.А. «Болгарское русофобство» по свидетельствам русских наблюдателей в 1912–1915 гг. // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 66–82. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-66-82

© Агуреев С.А., Болтаевский А.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

S.A. Agureev¹, A.A. Boltaevskiy²

¹ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Moscow, 119021, Russian Federation

² Russian University of Cooperation,
Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

“Bulgarian Russophobia” according to the testimony of Russian observers in the years 1912–1915

The article is devoted to the problem of perception of “Bulgarian Russophobia” according to the observations of Russian diplomats and military agents and individual politicians in 1912–1915. The authors set a task of tracing how the assessments of this phenomenon were formed in the reports of Russian officials, politicians, and publicists. At the same time, one should not forget that these assessments of the situation in Bulgaria did not always correspond to the real state of affairs in the country, and some were politically biased. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the development of “Russophobia” in Bulgaria was determined both by the change in the political situation in the Balkans and by the presence in the country of both internal, anti-Russian and external propaganda from Germany and Austria-Hungary. Bulgaria’s anti-Russian course also met the political interests of V. Radoslavov’s government, which was striving for a close political alliance with the Central Powers, in view of the importance of resolving the Macedonian issue and the pro-Serb position of the Russian ruling elite.

Key words: public consciousness, «Russophobia», Bulgaria, Russia, First World War

FOR CITATION: Agureev S.A., Boltaevskiy A.A. “Bulgarian Russophobia” according to the testimony of Russian observers in the years 1912–1915. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 66–82. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-66-82

Проблема развития образных представлений одного народа о другом находится в тесной связи с политическими процессами и механизмами восприятия «другого» в контексте собственных представлений и культурных кодов, особенностей национального сознания, степени близости языка и культурных установок, религиозной идентичности. В этом смысле формирование устойчивого образа России в сознании болгарского народа происходило на протяжении долгого времени и только за период конца XIX – начала XX вв. прошло несколько этапов.

Всего за несколько десятилетий претерпев известную эволюцию от восторженного восприятия роли России в Освобождении 1878 г. и последующего становления болгарской государственности до негативных оценок российской внешней политики в период политических кризисов 1885–1886 гг., трагедии Второй Балканской войны и вступления Болгарии в Первую мировую войну, образ России в братской славянской стране оказался подвержен сильным искажениям в зависимости от политической конъюнктуры.

Необходимо отметить, что феномен «политической русофобии» в Болгарии получил научное освещение в отечественной исторической науке только с конца 1990 гг. Российский историк Н.С. Киняпина определила период 1880–1890 гг. в отношениях Российской империи и Болгарии в качестве «переломного», т.к. именно в это время стало очевидно, что российская политика во многом «преследовала здесь собственные цели, которые не отличались гуманностью» [8, с. 53]. В то же время она указывает, что правительство Александра III не стремилось к прямому захвату балканских земель, а лишь к контролю правительств. Такая политика в силу «обострения противоречий между Россией и балканскими правительствами ...сказывалась на политике кабинетов. Оно в меньшей степени затрагивало балканские и российские народы» [Там же]. По мнению Н.С. Киняпиной, языковое и культурное родство помогало двум народам даже в наиболее сложные исторические периоды сохранить положительные образы друг друга.

Также следует отметить работы В.И. Косик [9], О.В. Айрапетова [1], Г.Д. Шкундина [16], посвященные проблемам взаимовосприятия России и Болгарии. Многие для понимания политической ситуации в Болгарии в этот период и развития русско-болгарских отношений дают работы Н.С. Гусева [5] и Б.С. Котова [10]. Следует согласиться с оценкой Н.С. Гусевым итогов Балканских войн, когда в разгромленной Болгарии появилось «негативное восприятие российской балканской политики» [5]. Донесениям российских военных агентов на Балканах и политической обстановке в регионе посвящены фундаментальные работы В.Б. Каширина [7].

Феномен развития «политической русофобии» получил отражение и в работах болгарских историков – В. Хаджиниколова [15], Б. Георгиева [3], И. Илчева [6]. И. Илчев указал, что Бухарестский мир был несправедлив и являлся «прелюдией к новой войне» [Там же, с. 20]. В качестве главных условий развития феномена «политической русофобии» болгарские историки называют именно политические противоречия, возникшие между российской политической элитой и болгарскими правящими кругами ввиду разности подходов к политическому видению развития страны.

Авторы данной статьи рассматривают проявления «русофобии», вызванной в болгарском обществе целым комплексом политических причин – от неприятия вмешательства Российской империи в дела страны до тесного русско-сербского союза, являвшегося серьезным препятствием к осуществлению идеала «Сан-Стефанской» Болгарии, подразумевавшего историческое «воссоединение» с Македонией. Учитывая сложность данного феномена, авторы ограничивают себя задачей рассмотреть проявления «политической русофобии» в отражении русских наблюдателей в период 1912–1915 гг., отдавая себе отчет в том, что даваемые ими оценки не всегда отражали реальное положение дел в стране. Решение этой задачи позволит лучше понять, как формировались оценки российских наблюдателей в отношении политики и общественного мнения Болгарии.

Болгарская исследовательница М. Славова указывает «на положительное влияние Временного русского управления (имеется в виду период после Берлинского конгресса. – С.А., А.Б.) при формировании концепции местной власти и ее реализации» [13, с. 141]. Русская администрация способствовала разработке Тырновской конституции, формированию основ судебной системы, Народного Собрания и правительства, Болгарского народного банка и т.д. В апреле 1896 г. князь Фердинанд с торжественным визитом прибыл в Санкт-Петербург и обратился к встречавшей его депутации: «Славянская идея, развившись, окрепнув и получив выражение в недрах могущественной России, особенно воздействовала на югославянские народы. Болгария всецело обязана развитию этой идеи своим возрождением и на веки сохранит признательность к вашей державе-освободительнице»¹. Слова Фердинанда о вере в «славянскую идею» разошлись с делом.

Развитие «русофильства» получило широкое распространение в период освобождения Болгарии от турецкого владычества, когда именно

¹ Цит. по: Васильев Н.В. Пребывание князя Болгарии Фердинанда в России. СПб., 1896. С. 13.

вокруг России и Царя-Освободителя сосредоточивались надежды значительной части общества и представителей болгарской элиты на создание Сан-Стефанской Болгарии. Возникновение же «русофобства», как показывает российский историк В.И. Косик, «было связано с процессом становления болгарской государственности, когда русские... “мешали” этому процессу» [9, с. 83]. В этом смысле «русофобство» и «русофильство» связаны, по мнению В.И. Косика, не с нелюбовью к России, а с политическим курсом империи на Балканах. Верным является и отождествление данным автором «русофильства» с культурой, а «русофобства» – с политикой.

В немалой степени «русофобство» подпитывалось непоследовательностью и ошибками российской дипломатии, сменой политического курса в отношении Болгарии в период правления российского императора Александра III и его сына Николая II, которые открыто противопоставлялись Царю-Освободителю Александру II. Не случайно расцвет «русофобии» пришелся именно на период политического кризиса и разрыва дипломатических отношений между странами. Последовавший период восстановления дипломатических связей вновь сменился ростом «политической русофобии» в 1913–1915 гг. и вплоть до выхода страны из Первой мировой войны.

Возникновение «политической русофобии» в 1880-е гг. было вызвано изменением линии российского правительства, всерьез опасавшегося любых попыток самостоятельного роста болгарской государственности в ущерб российским интересам, а также завышенными ожиданиями со стороны определенной части болгарской общественности. Огромный урон восприятию России нанесли попытки вмешательства во внутренние дела страны в середине 1880-х гг., когда, опираясь на русофильски настроенную часть общества, в стране был совершен государственный переворот, приведший к отречению болгарского князя Александра Баттенберга, что совпало с первым всплеском «политической русофобии» в стране. Отмечая эти негативные изменения, незадолго до того вернувшийся из Болгарии Чрезвычайный представитель России в стране генерал-майор Н.В. Каульбарс доносил военному министру П.С. Ванновскому 27 февраля 1887 г., что влияние России «обращается нам же во вред»². Для изменения такового положения он рекомендовал негласно организовать в Болгарии революцию, итогом которой стало бы восстановление российского влияния. Однако российские политические круги оставили это предложение без внимания, а впоследствии

² Донесение Чрезвычайного представителя России Н.В. Каульбарса военному министру П.С. Ванновскому // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 430 (Болгария). Оп. 1. Д. 179. Л. 2.

политические связи двух стран были восстановлены и долгое время балансировали между ориентацией политической элиты страны то на Россию, то на Австро-Венгрию. Следует отметить, что подход отдельных представителей российской элиты в отношении Болгарии с позиции силы во многом приводил к расцвету «русофобства» в стране и неприятию покровительственной позиции российских властей в отношении данного балканского государства.

Оформление двух противоборствующих лагерей – «черных душ» (русофилов) и «патриотов» (русофобов) – состоялось меньше чем через 10 лет после Освобождения. К числу последних, упрекавших русофилов в стремлении превратить Болгарию в «Задунайскую губернию» России, относилось большинство офицерства и интеллигенции. Как отмечает С. Грынчаров, в 1886–1887 гг. «отсутствие единства между политическими силами русофилов и их неумение завоевать поддержку народа способствовало консолидации группировки русофобов, захватившей власть в стране» [4, с. 149]. Первоначально фанатичное «русофильство» и «русофобство» в дальнейшем проявлялось у различных течений в зависимости от политической конъюнктуры [12, с. 30].

Об изменении внешнеполитического курса болгарского правительства свидетельствуют и донесения российского военного агента Г.Д. Романовского, отмечавшего в своем рапорте в Санкт-Петербург 20 сентября 1913 г.: «Как я уже доносил неоднократно, все усилия настоящего правительства направлены к возбуждению народных масс против России. Однако нравственные связи болгар с Россией настолько велики, что порвать их крайне трудно»³. Военный представитель России отмечал, что болгарский царь Фердинанд был главным источником русофобии, а «русофобская пропаганда, начавшаяся в здешней печати еще с декабря 1912 года, всячески поддерживалась сверху»⁴. По мнению военного агента, такое положение было обусловлено тем обстоятельством, что царь окончательно превратился в «игрушку стамбуловистов» и такая политика болгарского правительства останется неизменной, «пока Болгарией управляют господа вроде Савова, Геннадиева и компании»⁵. Поэтому главной задачей российской внешней политики в Болгарии, как указывал Г.Д. Романовский, «является устранение его (правительства. – С.А., А.Б.) от власти, ибо пока оно является хозяином

³ Донесение российского военного агента Г.Д. Романовского в Санкт-Петербург 20 сентября 1913 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) и подведомственные ему учреждения (1905–1918)). Оп. 1. Д. 3083. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 14.

положения, следует опасаться новых политических авантюр и интриг против России»⁶.

Настроения болгарской элиты проявились и в смещении со своих постов тех офицеров, что считались русофилами, что также неоднократно отмечалось в донесениях российским военным агентом⁷. Антиросийскую позицию занимала и царица.

Отношение болгарского двора и военной элиты к России и российской политике контрастировало с настроениями русофильских слоев Болгарии, видевших в русских защитников и освободителей. В сознании заметной части населения страны существовал положительный образ России и «дядя Иван» (деда Ивана), которые неизменно наделялись героическими чертами и нередко романтизировались частью русофильски настроенных публицистов. Для них Россия, прежде всего, была великой державой, способной прийти на помощь в самые напряженные моменты болгарской истории, защитить от массового истребления болгарский народ. И даже если официальная политика России расходилась с их собственными представлениями о благе для болгарского народа, большинство из них было склонно критиковать действия отдельных представителей российского политического истеблишмента, но не давать критических оценок русскому народу.

Многие представители русофильской партии, как указывает В. Хаджиниколов, были проникнуты сильным влиянием славянофилов и исходили из кровности родства славянства с русским народом; другие видели в политике России «историческую миссию разрушить Османскую империю» [15, с. 60]. Находились в русофильском лагере и такие, кто, умеренно критикуя официальную политику России в отдельные исторические периоды, исходили из общности интересов Болгарии с Россией и стремились всеми доступными средствами опровергнуть миф о якобы виновности России в поражении Болгарии во II Балканской войне. Так, известный болгарский публицист А. Шопов указывал на необходимость бороться с обвинениями в адрес России: «наши ...интересы требуют исчезновения легенды о виновности России в нашем разгроме 1913 года»⁸.

⁶ Донесение российского военного агента Г.Д. Романовского в Санкт-Петербург 20 сентября 1913 г. // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) и подведомственные ему учреждения (1905–1918)). Оп. 1. Д. 3083. Л. 6 об.

⁷ Там же. Л. 7–24.

⁸ Шопов А. Виновна ли е Русия за погрома на България. (Анкета по официални документи: австрийски, руски, румънски и български). София, 1915. С. 8.

Об этом в период Второй Балканской войны свидетельствует обращение жителей г. Пловдив на имя российской императрицы Александры Федоровны от 11 июля 1913 г. с мольбой о помощи и защите болгарского народа⁹. Подобные обращения поступали российским официальным лицам и дипломатам в Софии и других городах страны, не только от рядовых городов, но и от представителей политических партий. Обращения к официальным лицам Российской империи диктовалось и тем обстоятельством, что российский император выступал арбитром по сербско-болгарскому договору и стремлением повлиять на его решение в пользу Болгарии.

Общественные настроения представителей русофильской партии и простого народа разительно отличались в эти дни от позиции правящих верхов и стамбуловистов, открыто выступавших с антирусскими лозунгами. Об этом с очевидной обеспокоенностью сообщал в своей телеграмме от 22 июля 1913 г. министру иностранных дел России С.Д. Сазонову посланник в Софии А.В. Неклюдов: «не скрываю ни от себя, ни от Вашего Высокопревосходительства, что в правящих кругах страны и в особенности среди офицерства господствует ныне течение глубоко враждебное России»¹⁰. «Оно особенно ярко выразится, – предостерегал российский дипломат, – когда установится мир и снята будет цензура...»¹¹. С королем Болгарии Фердинандом при этом следует «объясняться ласково, но твердо и начистоту»¹², отмечал А.В. Неклюдов. Развитию «русофобии», по мнению А.В. Неклюдова, способствует и активная деятельность стамбуловистов, заинтересованных в ослаблении своих политических противников «русифилов» и желании скомпрометировать их. Позиция австрийских политических кругов во многом зависела от степени политической удаленности официальной Софии от России.

Точка зрения российского посланника в Софии во многом совпадала с позицией министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова, также впоследствии отмечавшего в воспоминаниях: «Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов

⁹ Письмо жителей г. Пловдив российской императрице Александре Федоровне от 11 июля 1913 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 3727. Л. 83.

¹⁰ Телеграмма российского посланника в Софии А.В. Неклюдова министру иностранных дел России С.Д. Сазонову от 22 июля 1913 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3727. Л. 318.

¹¹ Там же.

¹² Там же

Албании и до Мраморного моря»¹³. Горечь поражения подтолкнула болгарскую элиту к союзу с Германией и Австро-Венгрией.

Трагедия Болгарии во Второй Балканской войне совпала с приходом к власти правительства В. Радославова, получившего в среде российских политиков и дипломатов характеристику «русофоба» и «противника русского влияния». Не случайно лидер болгарской Либеральной партии В. Радославов сделал ставку на достижение идей «Сан-Стефанской Болгарии» с помощью Австрии и Германии, а не России. «Политическая русофобия» при нем получила наибольший импульс к развитию в болгарской прессе и, прежде всего, в целом ряде правительственных изданий. Обеспокоенный шквалом «русофобства» в болгарской печати, российский дипломатический представитель в Софии А.А. Савинский, сменивший А.В. Неклюдова, указывал на определяющее влияние немецкой пропаганды, действовавшей в стране совершенно открыто с приходом к власти правительства В. Радославова. «Борьба с немецкой пропагандой в Болгарии... является настоятельно необходимой»¹⁴, – отмечал А.А. Савинский в телеграмме в Санкт-Петербург 2 сентября 1915 г. Одним из главных средств борьбы с происками Германии, по мнению российского посланника, должна стать контрпропаганда российского правительства, открытие новых газет и сотрудничество с «лучшими силами страны» в лице оппозиционных партий.

Следует отметить раскол болгарских политических партий по вопросу о вступлении в войну на стороне Центральных держав, т.к. представители целого ряда политических партий – демократической, народной, прогрессивной, радикальной и земледельческой – встали в оппозицию к царю Фердинанду, что, в частности, проявилось в их обращении к царю, о чем российский посланник сообщил в российский МИД. Выступивший от лица всей оппозиции А. Малинов потребовал изменить прежнюю ориентацию правительства В. Радославова на Германию и настаивал на единении с Россией и странами Согласия. Особенно активно использовался представителями русофобских кругов враждебный России политический миф о вине последней за постигшую Болгарию катастрофу летом 1913 г. Одними из самых последовательных и влиятельных авторов данного мифа являлись доктор А.К. Кермекчиев¹⁵

¹³ Сазонов С.Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С. 121.

¹⁴ Телеграмма российского посланника в Софии А.А. Савинского в Санкт-Петербург 2 сентября 1915 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3773. № 631. Л. 41.

¹⁵ Кермекчиев А. Руската политика спрямо България и българския народ от 1878 до 1914 г. Исторически факти, хроникирани от един български державник. София, 1915.

и доктор Г. Ценов¹⁶, выступавшие с критикой внешней политики России, по их мнению, стремившейся поработить Болгарию и овладеть Проливами. Единственным средством реализации болгарских национальных интересов им представлялась политическая ориентация страны на Центральные державы.

Балканская война 1912 г., последовавшая вслед за ней Межсоюзническая война привлекли внимание всей Европы. Победители Первой Балканской войны вскоре оказались соперниками, а Болгария в рамках Межсоюзнической войны пережила Первую национальную катастрофу. Академик Г. Марков справедливо указывал, что Вторая Балканская война была проиграна Болгарией еще до ее начала [11]. Очевидец событий известный болгарский писатель Л. Стоянов отмечал: «Если бы в этой несчастной стране существовали правда и законность, то за преступное безумие шестнадцатого июня, когда Болгария объявила войну своим бывшим союзникам, царь Фердинанд должен был бы болтаться на перекладине» [14, с. 251].

Болгария, так и не получившая Македонию, жаждала реванша. П. Заболотский писал: «Лишиться Македонии в целом для болгар было все то же, что нам, русским, лишиться одного из своих культурно-исторических центров: ведь из Македонии шло болгарское возрождение, оттуда шли лучшие болгарские борцы, там была древняя Охридская патриархия, там интенсивно кипела культурная болгарская работа, и никогда не умирал в душе болгарина сан-стефанский завет Царя-Освободителя»¹⁷.

Болгарский посланник в Берлине Д. Ризов в августе 1915 г. признавался: «Болгарский народ слишком опытен с политической точки зрения, чтобы игнорировать свои существенные интересы. Кроме политических интересов, у нас есть с Германией и Австрией общность экономических интересов. Дело идет о будущем великом мировом пути»¹⁸. Идеологическая подготовка активно велась на страницах прессы. Софийский официоз «Эхо Болгарии» писал 23 ноября 1916 г. об общности болгарских и австро-венгерских интересов¹⁹.

¹⁶ Ценов Г. Русия и завоевателните стремжи на сърбите. Историко-политическо издирване. София, 1915.

¹⁷ Заболотский П. Черногория и король Николай в борьбе за сербский и славянский идеал // Славянские известия. 1915. № 14. С. 171.

¹⁸ Цит. по: Дмитриевич Д.И. Союз Болгарии с Германией перед судом свободной России (Факты и документы). Пг., 1917.

¹⁹ Дмитриевич Д.И. Союз Болгарии с Германией перед судом свободной России (Факты и документы). Пг., 1917. С. 19.

Русский корреспондент в Болгарии И. Калина сообщал в начале 1915 г., что практически вся болгарская интеллигенция охвачена недоверием к России и склонна обвинять российскую дипломатию едва ли не во всех постигших страну несчастиях²⁰. Также И. Калина указывает и на нерешенность македонского вопроса, и на сербско-болгарский антагонизм, что предопределяло выбор Болгарией стороны конфликта.

В конце 1915 – начале 1916 гг. в Болгарии всерьез опасались русского десанта. Так, одна из немецких газет сообщала: «Несмотря на неудачу под Варною, деятельность русского Черноморского флота, опирающегося на Одессу, продолжается. Не является ли она демонстрацией, принятой с целью отвлечь внимание от подготовки русскими нападения в другом месте?»²¹. Далее автором делался вывод о возможной высадке русских войск в районе Варны²².

Лучшей иллюстрацией враждебного России мифа о виновности в поражении Болгарии в 1913 г. стала и публикация официального печатного органа «Народни права», поместившего в номер от 22 июня 1916 г. статью «Россия и катастрофа 1913–1914 гг.». Автор статьи утверждал, что русское правительство в период Балканских войн стремилось использовать Болгарию для создания Великой Сербии, а «идея раздела Македонии была поддержана официальной Россией»²³. Фактически Россия, считал автор, спровоцировала и подготовила участие Болгарии в войне, которую страна не могла перенести. Не менее показательным был и вывод: «Но ныне... Болгария гордится. Все, кто копали ей могилу, понесли заслуженное наказание. <...> Пашич (премьер-министр Сербии. – С.А., А.Б.) вдали от Сербии, Македония принадлежит болгарам, Россия побита»²⁴.

Избранная правительством В. Радославова политика нейтралитета до объявления войны Сербии и дипломатического разрыва с Россией также служила цели подготовки болгарского реванша в условиях, когда сама идея возвращения Македонии ассоциировалась с военной помощью со стороны Германии и Австро-Венгрии. Поэтому представители болгарской официальной печати выступали с резкой критикой российской внешней политики, стремясь обосновать необходимость участия страны в войне на стороне Центральных держав. «Измена» Болгарии

²⁰ Калина И. Из Болгарии // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 295.

²¹ Приведено по: Багров Л. Очерки мировой войны на море // Морской сборник. 1916. № 2. С. 183.

²² Багров Л. Очерки мировой войны на море // Морской сборник. 1916. № 2. С. 183–184.

²³ Россия и катастрофа 1913–1914 гг. // Народни права. 1916. 22 июня. С. 1.

²⁴ Там же.

и открытый переход правительства В. Радославова в лагерь Центральных держав были с горечью восприняты в России, а объявление страной войны Сербии послужило известным катализатором обратного русофобии явления, когда российская печать обрушилась с гневной критикой на болгар, обвиняя их в предательстве православия и славянства. В декабре 1915 г. появилась выпущенная российским военным министерством листовка на болгарском языке, призывавшая болгар не воевать за немцев и турок против своих освободителей. «Вернитесь в вашу страну, – говорилось в листовке, – отойдите от лживых немцев, искупите вашу вину за предательство перед Богом и Россией»²⁵.

Русский посланник в Сербии Василий Штрандтман, оценивая «предательство Фердинанда», с горечью отмечал в своих воспоминаниях: «Царь Фердинанд... нанес предумышленный и убийственный удар по славянской и православной России. Измена Болгарии явилась одной из существенных причин недостаточного военного снабжения российских армий с запада, имевшей роковые последствия» [17, с. 388]. Одним из наиболее трагических эпизодов российско-болгарских отношений стало военное противостояние русских и болгарских солдат в районе Добрича осенью 1916 г.

Болгария была обескровлена двумя Балканскими войнами, кроме того, ее отставание в промышленном уровне по сравнению с западноевропейскими странами осложняло техническое оснащение армии и использование необходимых транспортных средств. Современники отмечали сильное падение морального духа болгарской армии при оборонительных боях: Министр иностранных дел Российской Империи С.Д. Сазонов признавал, что к переходу Болгарии на сторону германского блока и последующему разгрому Сербии привели серьезные промахи дипломатии стран Антанты [2, с. 31]. На заседании Государственного совета в феврале 1916 г., он, в частности, сказал: «Союзная дипломатия подвергалась строгому осуждению за то, что ей не удалось привлечь на свою сторону Болгарию»²⁶.

Военный министр А.А. Поливанов констатировал в феврале 1916 г.: «Среди событий, свершившихся в течение минувших месяцев, каждый русский человек с болью в сердце увидел измену болгарского правительства своему славянскому долгу. Не первый уже случай, когда

²⁵ Листовка российского военного ведомства с обращением к болгарской армии (на болгарском языке) // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 16351 (Управление русского военного агента в Сербии (1905–1918)). Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

²⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Стенографический отчет. Пг., 1916. Ст. 36.

спасенные Россией государства удивляют мир своей неблагодарностью, но эта измена славянского государства имела последствием одоление немцами двух славянских же государств – Сербии и Черногории...»²⁷.

Вступление Болгарии в войну на стороне Берлина оценивалось как поражение российской дипломатии целым рядом политических деятелей и российским общественным мнением. На четвертой сессии Государственной Думы IV созыва, проходившей после потери союзниками Балканского полуострова, положение в Юго-Восточной Европе не один раз становилось предметом острых обсуждений. Представитель фракции земцев-октябристов в IV Государственной Думе Е.П. Ковалевский²⁸ отмечал недооценку со стороны российской дипломатии возможности перехода болгар на сторону Центральных держав и вступления страны в войну²⁹. Подобных взглядов придерживался и П.Н. Милюков: «Наша дипломатия обнаружила слабость и нерешительность, которая и дала возможность Болгарии вооружиться и выбрать тот момент для нападения, который она сама находила для себя более подходящим»³⁰. Вместе с тем он был вынужден признать, что правительство Болгарии вправе защищать свои национальные интересы, и с «болгарским народом нам придется еще иметь дело»³¹.

Известный своим болгарофильством П.Н. Милюков отмечал: «1 сентября 1915 г. дипломаты Согласия явились к Радославову и сделали то, что я советовал сделать с самого начала. Они торжественно гарантировали Болгарии приобретение Македонии в границах договора 1912 г., ...независимо от того, как на это посмотрят Сербия и Греция»³². Опоздание союзников с данным предложением правительству Болгарии, по мнению П.Н. Милюкова, способствовало ее вступлению в войну на стороне Четверного союза.

В свою очередь Центральные державы предложили Болгарии македонские земли, а в случае вступления в войну Греции и Румынии

²⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Стенографический отчет. Пг., 1916. Ст. 23.

²⁸ Е.П. Ковалевский был членом Чрезвычайной следственной комиссии по нарушению законов и обычаев войны австрийцами и германцами. В августе 1915 г. его кандидатуру рассматривали в качестве министра просвещения в так называемом кабинете обороны А.И. Гучкова.

²⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Стенографический отчет. Пг., 1916. Ст. 1432.

³⁰ Там же. Ст. 3251.

³¹ Там же. Ст. 3252.

³² Там же. Ст. 3250.

на стороне Антанты, часть их территорий, что и предопределило окончательную позицию правительства В. Радославова в этом вопросе. Союз с Болгарией обеспечивал не только военный перевес Центральных держав на Балканах, но и дал коридор для связей с Турцией. Вступление Болгарии в войну осенью 1915 г. изменило военное положение на Балканском полуострове в пользу Германии и ее союзников. Сербия потерпела поражение, и ее войска эвакуировались в Салоники. Болгария аннексировала Македонию.

Избранный Болгарией антирусский политический вектор и вызванный им шквал «русофобства» в болгарской правительственной печати и в среде лояльного Фердинанду офицерства повлиял на восприятие России частью болгарской общественности; однако другая часть видела в ней страну-освободительницу. При этом болгарскому общественному мнению был присущ известный дуализм, и российская политика на Балканах подвергалась серьезной критике. «Болгарское русофобство» во многом оставалась политическим явлением, что было характерно для сложных периодов двухсторонних отношений.

Следует отметить, что далеко не во всем оценки, дававшиеся российскими наблюдателями: дипломатами, военными агентами, публицистами, – отражали действительность. В основе «болгарского русофобства» лежали не только германская и австро-венгерская пропаганда, но и сама политика Российской империи на Балканах. Нередко переоценивалась российскими официальными лицами и степень «благодарности» болгар за освобождение. Позиция болгарской общественности в отношении российской политики во многом зависела от степени поддержки, которую Российская империя оказывала противникам страны – от Сербии до Греции. Вопрос же о территориальной принадлежности Македонии был ключевым, что в конечном итоге предопределило переход страны в стан Центральных держав. В этом смысле «болгарское русофобство» было закономерным явлением, характеризующим отношения двух стран в этот период.

Однако несмотря на политические разногласия, русско-болгарское добрососедство не угасало даже в самые сложные периоды истории двух народов. В 1911 г. болгарский министр народного просвещения, выпускник Московского университета С. Бобчев предлагал даже ввести 3–4 урока в неделю русского языка в школах³³. Не прекращали своей работы в стране и русские школы. Множество русских оказалось в Болгарии после революции 1917 г.

³³ Хроника // Славянство. 1911. № 4–6. С. 39.

Библиографический список / References

1. Айрапетов О.Р. В них почти нет славянской крови. Россия между Сербией и Болгарией в годы Первой мировой войны // Родина. 2003. № 10. С. 88–91. [Airapetov O.R. They have almost no Slavic blood. Russia between Serbia and Bulgaria during the First World War. *Rodina*. 2003. № 10. Pp. 88–91. (In Rus.)]
2. Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989. [Vasukov V.S. Vnechnaya politika Rossii nakanune fevral'skoy revoliucii. 1916 – fevral 1917 g. [Russian foreign policy on the eve of the February revolution. 1916 – February 1917]. Moscow, 1989.]
3. Георгиев Б. Болгарское русофобство как фактор включения в Первую мировую войну // Сборник статей V Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Проблемы безопасности стран СНГ, Европы и Азии» / Под ред. А.П. Кудинова. СПб., 2011. С. 47–52. [Georgiev B. Bulgarian Russophobia as a factor of inclusion in the First World War. *Fundamentalnye i prikladnye problem geopolitiki, geekonomiki i mezdunarodnih otnocheniy. Problem bezopastnosti stran SNG, Evropy I Azii*. A.P. Kudinov (ed.). St. Petersburg, 2011. Pp. 47–52. (In Rus.)]
4. Грынчаров С. Русофилските политически сили в България (август 1886 – август 1887) // Политически партии, организации и управления в България 1879–1944 г. Известия на Института по история. Т. XXVI. София, 1983. С. 121–150. [Gryncharov S. Russophile political forces in Bulgaria (August 1886 – August 1887). *Politicheski partii, organizatsii i upravleniya v Blgariya 1879–1944 g. Izvestiya na Instituta po istoriya*. Vol. XXVI. Sofia, 1983. Pp. 121–150. (In Bulgarian)]
5. Гусев Н.С. Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // Славянский альманах 2014. Вып. 1–2. М., 2014. С. 123–133. [Gusev N.S. Russians and Bulgarians after the Balkan Wars: Mutual disappointment. *Slavyanskiy almanakh 2014*. Vol. 1–2. Moscow, 2014. Pp. 123–133. (In Rus.)]
6. Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. [Ilchev I. Blgariya i Antantata prez Prvata svetovna voyna [Bulgaria and the Entente during the First World War]. Sofia, 1990.]
7. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. [Kashirin V.B. Dozornye na Balkanah. Ruskaya voennaya razvedka v stranah Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoy mirovoy voiny [Lookouts in the Balkans. Russian military intelligence in the countries of the Balkan Peninsula before and during the First World War]. Moscow, 2014.]
8. Киняпина Н.С. Болгария в Балканской политике России (1886–1896 гг.) // Отечественная история. 1992. № 2. С. 43–55. [Kinyapina N.S. Bulgaria in the Balkan politics of Russia (1886–1896). *Russian History*. 1992. No. 2. Pp. 43–55. (In Rus.)]

9. Косик В.И. О феноменах русофильства и русофобства в Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве / Отв. ред. Е.С. Узенев. М., 2009. С. 83–97. [Kosik V.I. About the phenomena of russophilism and Russophobia in Bulgaria. *Slavyanskiy mir v tretiem tisacheletii. Rossiya i slavyanskiye narody vo vremeni i v prostranstve*. E.S. Usenev (ed.). Moscow, 2009. Pp. 83–97. (In Rus.)]
10. Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112. [Kotov B.S. The inter-allied war of the summer of 1913 in the perception of Russian society (based on press materials). *Modern and Contemporary History*. 2015. No. 3. Pp. 101–112. (In Rus.)]
11. Марков Г. Поуки от Балканските войни 1912–1913 г. // Военноисторически сборник. 2003. № 1. С. 25–27. [Markov G. Lessons from the Balkan Wars 1912–1913. *Voенноistoricheski sbornik*. 2003. No. 1. Pp. 25–27. (In Bulgarian)]
12. Саздов Д. Многопартийната политическа система и монархическият институт в България. 1879–1918. София, 1993. [Sazdov D. *Mnogopartiynata politicheska sistema i monarkhicheskiyat institut v Blgariya*. 1879–1918 [The multiparty political system and the monarchical institute in Bulgaria. 1879–1918]. Sofia, 1993.]
13. Славова М. Русское влияние на выработку концепции независимого местного управления в Болгарии // Вклад России в создание болгарской государственности после Освобождения Болгарии в 1878 г. Сборник докладов научной конференции Софийского университета 2–4. III. 2003. София, 2003. С. 137–145. [Slavova M. Russian influence on the development of the concept of independent local government in Bulgaria. *Vklad Rossii v sozdnyye bolgarskoy gosudarstvennosti posle Osvoboazdeniya Bolkarii v 1878 g.* Vol. III. Sofia, 2003. Pp. 137–145. (In Rus.)]
14. Стоянов Л. Холера (солдатский дневник). М., 1970. [Stoyanov L. *Holera (soldatskiy dnevnik)* [Cholera (soldier's diary)]. Moscow, 1970.]
15. Хаджиниколов В. Русофилы и русофобы в болгарской исторической литературе до Октябрьской революции // *Etudes Historiques. Academie des sciences de Bulgarie*. D. Angelov, V. Borinov, S. Damjanov (eds.). Sofia, 1968. Pp. 55–83. [Hadjinikolov V. Russophiles and Russophobes in Bulgarian historical literature before the October Revolution. *Etudes Historiques. Academie des sciences de Bulgarie*. D. Angelov, V. Borinov, S. Damjanov (eds.). Sofia, 1968. Pp. 55–83. (In Rus.)]
16. Шкундин Г.Д. Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия // Мировые войны. Материалы круглого стола, состоявшегося в ГЦМСИР 17 сент. 2009 г. / Отв. ред. С.А. Архангелов. М., 2011. С. 48–82. [Skundin G.D. Russians and Bulgarians during the First World War: Problems of mutual perception. *Materyaly kruglogo stola, sostoyavchegosya v GCMSIR 17 sent. 2009 g.* S.A. Arhangelov (ed.). Moscow, 2011. Pp. 48–82. (In Rus.)]
17. Штрандтман В. Балканские воспоминания. М., 2014. [Strandtman V. *Balkanskiye vospominanya* [Balkan memories]. Moscow, 2014.]

Статья поступила в редакцию 08.10.2020, принята к публикации 13.01.2021
The article was received on 08.10.2020, accepted for publication 13.01.2021

Сведения об авторах / About the authors

Агуреев Станислав Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва

Agureev Stanislav A. – PhD in History; Associate Professor at the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: stas.agureev@mail.ru

Болтаевский Андрей Андреевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Российский университет кооперации, г. Мытищи, Московская обл.

Andrey A. Boltaevskiy – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities, Russian University of Cooperation, Mytishchi, Moscow region, Russian Federation

E-mail: boltaev83@mail.ru